

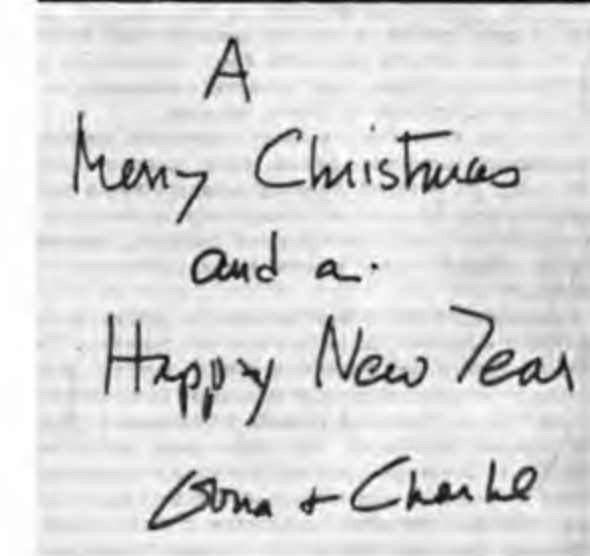
Прощание с великим артистом

Наш друг Чарли Чаплин

В чем секрет успеха Чарли Чаплина? На этот вопрос пытаются дать ответ книги, изданные во многих странах мира. Теоретиками предпринято множество изысканий, открыто немало серьезных формул, имеющих общезначительное значение. Но вот что говорил по этому поводу сам Чаплин: «Основа успеха — это знание человеческой природы. Смешное в комедии должно помогать раскрытию человеческой души». Думаю, что сила Чаплина была в том, что он всегда строго придерживался этого принципа. И бывал беспощадно жесток к себе, когда вдруг замечал, что буйная фантазия уведет его от этой генеральной линии.

Кто-то сказал, что от хорошего клоуна до философа — один шаг. Пожалуй, эта озорная мысль вполне применима к Чаплину. Он возвысил комедию до гуманистических высот, наполнил содержание своих фильмов идеями, имеющими непреходящую ценность. Искусство Чаплина подлинно интернационально. Его имя пользуется не просто популярностью во всем мире, а настоящей золотой славой. Два всем знакомых слова — «Чарли Чаплин» — стали не только именем и фамилией. Эти два коротких слова — целая глава в развитии киноискусства, с ними неразрывно связано понятие о реализме, человечности, виртуозном мастерстве, понятие о смехе, как об остром политическом оружии. «Я верю, что могущество смеха и слез, — говорил Чаплин, — может стать противовесом от ненависти и страха. Хорошие фильмы говорят на понятном для всех языке, они отвечают потребностям человека в юморе, жалости, в сочувствии. Они служат средством рассеять туман подозрительности и тревоги, окутавший ныне мир».

С самых первых шагов своей самостоятельной работы в кино Чаплин шел по пути демократического искусства и за это постоянно подвергался ожесточенным нападкам реакционеров. Его картины пытались опровергнуть, пытались дискредитировать и его самого. Уже в 1927 году раздавались голоса, требовавшие заточить Чаплина в тюрьму или изгнать его из Соединенных Штатов. Но это только лишним раз убеждало Чаплина в том, что он прав, заявляя, что «мир жесток и суров, в мир надо перелетать». Чаплин смело про-

должал работать, не капитулируя перед угрозами и нападками. Таким решительным, оптимистичным, полным творческих идей был Чаплин и тогда, когда мы — С. М. Эйзенштейн, Э. К. Тиссен и я — встретились с ним летом 1930 года в Голливуде. А вскоре после пер-

ного нашего знакомства Чаплин пригласил нас на свою студию; она была тогда самой маленькой и самой бедной студией Голливуда, но именно на ней в то время делались большие и, быть может, самые значительные фильмы в Америке. В тот день шла очередная съемка картины «Огни большого города», снимался кадр № 3166... на боксерском ринге — маленький, маленький человек с черными усиками, знакомый всем бродяга Чарли. Вот, надев свой традиционный котелок, набросив на плечи мятый пиджачок, он направляется своей смешной походкой к центру ринга, чтобы обменяться рукопожатием со своим могучим противником. Помню, мне педумалось, когда я смотрел этот эпизод, в схватке слабого с сильным тот же подтекст, что и в большинстве картин Чаплина: не зря вспоминает герой чаплинского фильма легенду о Давиде и Голиафе, когда юный, беззащитный герой смог одолеть всех устрашавшего исполина.

В перерыве, за завтраком, Чаплин горячо рассказывал о замысле фильма «Огни большого города» Умирительно смешаясь, говорил он, и одновременно глупо боко социальной должна быть сцена открытия памятника. Герой ленты — бездомный Чарли, ночует под пологом статуи, олицетворяющей Правосудие. Утром, при открытии памятника, полог падает и присутствующим важным господам ахают от возмущения и удивления: на коленях Правосудия мирно спит бродяга. Полицейские кидаются к нему, пытаются его схватить; но, спасаясь от своих преследователей, бродяга нечаянно зацепляется штанами за меч, который держит в руке статуя, и высоко повисает над толпой. В это время оркестр исполняет гимн. Висящий на мече Правосудия Чарли, как истинный гражданин своего отечества, снимает с головы котелок...

«Огни большого города» были подлинным шедевром чаплинского искусства, фильм имел поистине мировой успех. Но в самой Америке началась новая волна ожесточенных нападков на Чаплина как на возмутителя спокойствия — этого «ничтожного клоуна», осмелившегося бросить вызов устоям «демократического общества»!

Собственно, с той самой встречи на студии в Голливуде и началась наша долголетняя дружба с Чаплиным. Многие из Голливуда тогда боялись встречаться с «эбзенштейновской троицей». Нас обвиняли в том, что мы приехали «делать революцию в Америке», пресса именвала нас «красными собаками», «опасными агентами Кремля». Но Чаплин демонстративно приезжал к нам и часто приглашал нас в свой дом. Это было большой смелостью с его стороны и огромной радостью для нашей троицы. Однажды он позвал нас, когда у него собралось много друзей. Говорили и спорили о значении киноискусства, об общественной роли художника-кинематографиста. Чаплин высказывал неожиданные и интересные мысли. Помню, своего любимого писателя Эдгара По он упрекал в отсутствии любви к обездоленным, а Шекспира в том, что он «невыносимо высмеивал простого человека». А о себе Чаплин говорил, что он всегда

стремится выразить в своих фильмах любовь к народу. Он не раз повторял: «Для того чтобы быть понятным миллионам, надо думать так же, как думают они». Если дискуссия слишком обострялась и страсти накалялись до предела, хозяин дома садился обычно за большой орган, стоявший в гостиной, и начинал играть свои сочинения. А потом, что случалось неоднократно, показывал сцены и этюды на самые неожиданные темы, взятые из жизни. Он, например, изображал маленьких детей, которые учатся ходить, и передавал их неуверенные движения, их первые самостоятельные шаги с таким мастерством, с такой непосредственной наглядностью, которая недоступна взрослым. Или с поразительной достоверностью и юмором, выразительно показывал поведение обезьян, наслаждающихся жизнью на воле или заточенных в клетку.

Но больше всего меня поразила этюд, который Чаплин назвал «парад характеров»... Чаплин пуская пластинку с бравоурным маршем и объявлял: «Сейчас вы увидите, как ходят на параде люди различных профессий...» Скрывался на мгновение за ширмой и появлялся из-за нее, маршируя таким образом, что все узнавали известного генерала. Комнату оглашал хохот и аплодисменты! А в другом марширующем все тотчас же узнавали голливудскую кинозвезду: артист изо всех сил старался очаровать публику, показать «товар лицом». Затем маршировали французы, немцы, итальянцы — с их характерными чертами. Пожалуй, злее всего Чаплин показывал, как ходят на парадах американцы. И когда уставшие от смеха зрители вытирали слезы, Чаплин, выждав паузу, объявлял: «А сейчас идет комик...» Все готовились к новому смеху и замирали в нетерпеливом ожидании. Но Чаплин долго не появлялся. Может быть, он готовится к стремительному выходу, чтобы споткнуться, смешно упасть, опрокинуть мебель?.. Нет, ничего этого не произошло. Появлялся усталый и грустный человек. Он шагал не в ритм музыки, его не интересовала парадная шумиха... Вот он остановившись и начал приглядываться к зрителям, рассматривая вас. Теперь вы уже становились смешными; это тот же ход, что и у Голая: «Над кем смеетесь? Над собой смеетесь!» Вы поправляли костюм, вам мешали руки, вы начинали с ног до головы осматривать себя — все ли у вас в порядке... А он все внимательно смотрел и смотрел, и вы вдруг понимали, что он видит и знает вас насквозь.

Да, Чарльз Спенсер Чаплин был не просто большой артист.

Он был великим гражданином мира и сознавал, видел куда больше, чем его герой — маленький безработный бродяга Чарли.

Когда Чаплина спросили, почему он делает фильм «Великий диктатор», артист шуточно ответил: «Потому, что Гитлер украл у меня усники...» Потом серьезно объяснил: «Этот фильм я сделал потому, что видел вокруг себя в Америке страшную апатию, в то время как нацизм наводил мир. Это меня беспокоило, я был охвачен ужасом. Нужно было что-то делать».

Чаплин в Голливуде. Фото сделано Г. Александровым в 1930 году

Чарли Чаплин был первым художником в США, поступившим в бой с Гитлером и Муссолини. В конце фильма артист сбрасывал грим «великого диктатора» и обращался к зрителю от своего имени: «Всем, кто может услышать меня, я говорю: не отчаивайтесь! Несчастье, поразившее нас, лишь результат дикой жадности и злобы людей, боящихся человеческого прогресса. Ненависть между людьми пройдет, и диктаторы погибнут. Власть, которую они захватили, вернется к народу. Пока люди способны умирать за свободу, она не погибнет... Вы — народ, и в вашей власти создать прекрасную, свободную жизнь, сделать ее лучезарной и увлекательной... Будем сражаться за новый мир, за чистый мир, который каждому человеку даст возможность работать. Ты видишь?.. Человеческой душе дали крылья».

Бывший консул СССР в Лос-Анджелесе во время войны П. Кондратьев рассказывает, что еще задолго до выпуска «Диктатора» на экраны американские профсоюзные организации начали травлю Чаплина. «Третий рейх» со своей стороны предпринял дипломатический демарш. Сперва гитлеровский консул в Лос-Анджелесе пытался различными путями повлиять на Чаплина и заставить его отказаться от постановки фильма, предлагая компенсацию всех расходов. Но Чарли был неумолим. Тогда немецкий посол в Вашингтоне официально потребовал запрещения филь-

ма. Японская фашистская организация «Черный дракон» с помощью наемных убийц пыталась уничтожить артиста. Чаплин нанял для охраны частных детективов и спешил закончить работу.

В начале 1941 года фильм вышел на экраны. Он имел огромный успех, однако фашистские организации продолжали злобствовать. Они громили кинотеатры, где демонстрировался «Великий диктатор», разбивали витрины. И прокат картины был прекращен...

А когда гитлеровские армии напали на Советский Союз, в Соединенные Штаты стояли в стороне, выжидая, Чаплин активно выступал на митингах в разных городах страны, обращался лично к президенту Рузвельту с требованием открытия второго фронта в Европе, подписывал приветственное письмо народам Советского Союза, вносил в денежный фонд Комитета военной помощи России крупную сумму. После того как Чаплин потребовал открытия второго фронта, 95 процентов американских газет разом напали на него.

Позже, когда Америка была уже в состоянии войны с Германией, Чаплин выступил на десяти тысячном

митинге в Сан-Франциско и, в частности, сказал: «Товарищи! Я называю вас товарищами и я приветствую наших русских союзников как друзей». Слово «товарищи» по отношению к русским и американцам было первым пунктом, по которому началась новая затяжная травля, завершившаяся изгнанием великого артиста из Америки. Но и под гул брани и угроз Чаплин продолжал выступления. Он неоднократно провозглашал: «Приветствую тебя, Советский Союз, за величественную борьбу, которую ты ведешь во имя свободы. Я приветствую вас, советские люди, я приветствую мужество, с каким вы проводите самый смелый в истории человечества эксперимент. Вы выросли могущественными и свободными, вы — вдохновляющий пример для обновления людей!»

В дни, когда советские войска разгромили фашистов под Сталинградом, Чаплин каким-то образом отыскал меня и прислал из Голливуда в Баку, где я тогда работал, телеграмму: «С огромным вдохновением слежу за доблестной борьбой советского народа против нашего общего врага...» Как драгоценную реликвию храню я этот листок, полученный в то трудное для всех нас время.

Казалось бы, после войны для Чаплина тоже наступил мир. Но для него настали еще более тяжелые времена. Травля продолжалась. В 1947 году вышла картина Чаплина «Мсье Верду», и американская «большая пресса» буквально обрушилась на создателя фильма. Его обвиняли в новом оскорблении капиталистического общества. А в самый разгар «охоты на ведьмы» Чаплина вызвали в Верховный суд, где ему предъявили несколько обвинений, припомнили ему все. Даже бывшие друзья Чаплина, в том числе и те, кто снимался и прославился у него в фильмах, как, например, Адольф Менжу, из страха за свою собственную судьбу требовали тогда расправиться с ним. В те годы многие режиссеры Голливуда, движимые страхом, начали снимать антикоммунистические фильмы. Так жизнь в США стала для Чаплина невыносимой. И в 1952 году он навсегда покидает Америку.

Год спустя Всемирный Совет Мира удостоил Чарли Чаплина Международной премии мира. Присуждение этой премии замечательному драматургу, режиссеру, несравненному артисту, талантливому композитору и смелому, активному общественному деятелю наполнило чувством огромной радости и гордости сердца всех поборников мира, всех друзей Чаплина. В ответ на получение премии Чаплин огласил свою декларацию о мире. В ней, в частности, говорилось, что он польщен и очень счастлив получить награду, что он «не претендовал бы на знание ответов на проблемы, угрожающие миру, но, — заявил Чаплин, — я знаю, что нация никогда не разрешит этих проблем в атмосфере ненависти и недоверия и, тем более, не разрешит их угрозы сбросить атомные бомбы... В нашу эру атомной науки нации должны были бы думать о вещах менее устаревших и более конструктивных, нежели использование насилия для разрешения своих разногласий...»

За почти полувековое знакомство и дружбу с Чаплиным моя память сохранила множество впечатлений, связанных с этим удивительным, мудрым и обаятельным человеком. Чтобы рассказать все то, что хотелось бы рассказать, наверное, не хватило бы и объемистой книги. Не каждый, например, знает, что в одной из голливудских театров Чарли поставил во всем спектаклей и среди них — «Три сестры» и «Чайку» Чехова. Поставил, правда, скрываясь под чужим именем... Или о том, что он многократно принял участие в международном конкурсе на лучшее подражание... Чарли Чаплину и получил... 7-е место... Можно было бы рассказать и о мечте Чаплина создать «человеческую комедию» об Иисусе Христе и сыграть в ней главную роль... О многом, очень многом можно и надо было бы рассказать.

Но здесь я хочу вспомнить лишь еще об одной нашей встрече с Чаплиным. В 1955 году он пригласил нас с Л. П. Орловой погостить у него в Швейцарии, в его доме на берегу Женевского озера.

Стоял солнечный май. Чаплин встретил нас все такой же дружелюбной, обаятельной улыбкой. Он был по-прежнему энергичен и подвижен, хотя голова его стала совсем белой, а голубые глаза Чарли казались от этого совсем синими. Чаплин выглядел умиротворенным и беззаботным. Рядом с ним была его молодая и очаровательная жена Уна, которая к тому времени уже успела подарить ему седьмого ребенка.

«Какой вы счастливы, Чарли, — сказала я ему. — Вы отец такого замечательного семейства. Вы так много успели в жизни. Вам дважды присвоили звание доктора, у вас более восьмидесяти превосходных фильмов и много подлинных шедевров. Вы великий мастер!»

И вот тут, грустно улыбувшись, Чаплин сказал: «Мастер?.. Знаете, Гриша, все мы дилетанты в этой жизни. Она слишком коротка, чтобы успеть научиться сделать действительно что-то великое...»

Беззаботность Чарли оказалась обманчивой. Он оставался прежним — беспоконным, ищущим, неудовлетворенным, полным новых исканий.

И такни он был до конца. ...Чарли и Уна успели отправить мне традиционное новогоднее поздравление к Новому, 1978 году. (Последние сорок лет я получал их ежегодно.) Оно опубликовано выше, на предыдущей странице.

Но пока письмо шло, его опередило скорбное сообщение о смерти Чаплина.

С большим волнением распечатал я запоздалый конверт из Швейцарии. В нем было несколько теплых слов и фотография Чарли, сделанная в апреле минувшего года, в день рождения, когда ему исполнилось 88 лет.

Последняя фотография друга...

Нет, Чарли не умер. Разве может исчезнуть из нашей жизни человек, художник, так много сделавший для радости, для простых людей, для справедливой и мирной жизни на земле.